

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

МИНОВАЛ ДЕНЬ, ДА НЕ СГИНУЛ

Перевод М. Мирзамухамедова

В жизни порой бывает так — настигнет тебя какая-то беда, но лишь много позже начинаешь чувствовать боль, причиненную ею...

Сафарали гостил в Фергане у своего друга-однополчанина Расулджана.

На неприятные события, о которых узнал здесь, вначале он отреагировал не то чтобы неглубоко и несильно, а как-то заторможенно, что ли. Но через день, когда его проводили на поезд и он занял свое место в купе и когда поезд, наконец, тронулся, память стала прокручивать, как киноленту, все то, что он старался забыть. На душе было скверно. Ему казалось, что он, Сафарали, переживший столько бед, горя и страданий, никогда еще не был в таком тупике.

Что же, собственно, случилось? Покачиваясь в жарком, душном вагоне, он начал вспоминать по порядку все, что произошло...

В тот день Сафарали вернулся с работы в полночь, вконец разбитый усталостью. Мухаббат, как всегда, встретила мужа с ласковой предупредительностью: помогла умыться, переодеться и лишь после этого, взяв из ниши письмо, протянула его Сафарали.

— Еще днем почтальон принес, — сказала она с застывшим в глазах вопросом. Сафарали, посмотрев на конверт, удивленно пожал плечами — обратный адрес ни о чем ему не говорил.

Мухаббат пошла греть ужин, а Сафарали вновь принялся рассматривать конверт, точнее, изучать обратный адрес, написанный мелким красивым почерком. Город Винница, отправитель — некто Заремба. Сафарали озабоченно почесал затылок — никогда он не был знаком с человеком по фамилии Заремба. Кто же это мог быть?! Может быть, отыскал его кто-то из фронтовых товарищей, повстречавшихся на дорогах войны? Перебрал всех в памяти, но так и не вспомнил Зарембу.

Вскрыл конверт. В нем оказалась фотография — с нее смотрели, улыбаясь, женщина и девочка лет тринадцати-четырнадцати. Интересно! Кто же это?! Сафарали, сколь старательно ни рассматривал лица, не узнавал их. Да не перепутал ли почтальон адрес? Он в который раз внимательно глянул на конверт. Нет, все правильно! Его фамилия, его имя написаны точно, указаны его улица и дом. Так кто же все-таки они, эти незнакомки? Лицо девочки было открытым и милым, и чем больше всматривался Сафарали в симпатичную детскую мордашку, тем больше эта девочка ему кого-то напоминала. Кого? Сафарали посмотрел на обратную сторону фотографии: «Олеся и Галина Заремба».

Олеся и Галина... Галина... Постой, постой... У него вдруг по спине побежали мурашки. «Галина, — прошептал он, всматриваясь в лицо немолодой женщины. — О боже! Возможно ли, чтобы человек мог так измениться?!»

Когда Сафарали встретился с Галиной на фронте, ей было не то семнадцать, не то восемнадцать. Сейчас ей, наверное, должно быть тридцать три — тридцать четыре года. Женщина на фотографии, однако, выглядит старше, ей дашь не меньше сорока: седая прядь, на лице заметны морщины.

— Что с тобой сделали годы, Галина? С моей спа-

сительницей, отважной Галиной! — вырвалось у Сафарали неожиданно громко.

Перед его глазами, как наяву, возникла темная, сырая землянка. Держа в руках фонарь, осторожно переступая через раненых, по землянке ходил какой-то старик и негромко хриплым голосом повторял одну и ту же фразу:

— Тихо, ребятки, тихо... Галя увезет вас в лес...

За стариком следовала девушка в черном платье. При свете фонаря она снимала повязки у некоторых солдат и бинтовала заново их раны полосками разорванной чистой простыни. Человек шесть оказались раненными тяжело, они не переставая стонали. Среди них был и Сафарали, очнувшийся здесь, в землянке.

Старик отдал фонарь девушке, вышел. Но вскоре вернулся, и не один — с ним были двое долговязых мальчишек лет по пятнадцать.

— Две подводы подогнали... думаю, хватит, — кивнул старик в сторону мальчишек, стряхивая капли дождя с шапки. — Пора... Надо торопиться! Стемнело.

Старик с помощью девушки и мальчишек принялся выносить на подводы тяжелораненых, затем вывел и ходячих. Перед тем как отправиться в путь, дед негромко наставлял:

— Галинка, нигде до самого леса не останавливайтесь. А вы, ребятки, слушайте ее. Теперь она — ваш командир. Ну, в добрый час!

— Отец, а наши далеко? — спросил Сафарали.

— Отступили... — нехотя ответил из темноты старик. — Кругом фашисты...

Мелко моросил осенний дождь. Старик и Галя заботливо накрыли солдат брезентом.

Подводы покатали в сторону леса...

Когда въехали в лес, навстречу им вышли трое вооруженных мужчин. Они обошли вместе с Галей подводы. Со второй сняли умершего в дороге солдата. Тут же, под сосной, его похоронили, молча двинулись в глубь леса.

Так для Сафарали и Галины началась партизанская жизнь, началась любовь.

Галина, собственно, вытащила его с того света, выходящая, проведя не одну бессонную ночь у его постели. Вопреки прогнозу врача, оказавшегося в лагере партизан, она вырвала его из лап смерти.

Сафарали так привык к ласковой заботе, участию,

помощи Галины, что и минуты не мог обойтись без нее. Но и Галина привыкла к своему подопечному. И когда Сафарали поправился, они стали неразлучны.

Во всех боевых операциях были вместе, а если выпадали свободные минуты, строили планы будущей совместной жизни. В то время Сафарали не мог представить себя без Галины. Уединившись в укромном месте тихого леса, лежа на спине, они подолгу смотрели в бездонное, такое мирное синее небо... И говорили, говорили...

В сорок четвертом году наши войска, начав победоносное наступление, освободили от фашистской оккупации Белоруссию и Украину, из партизанских соединений начался отбор парней в действующую армию, Сафарали взяли тоже. Вместе с наступающими войсками их часть двинулась на запад.

С Галиной он расстался в Виннице.

В одном из сражений, при освобождении Польши, Сафарали получил второе тяжелое ранение, пришел в сознание в госпитале в городе Познань.

Как только дело пошло на поправку и ему разрешили вставать и писать, он послал весточку Галине.

Однако письмо возвратилось обратно с пометкой «адресат не значится». С тех пор прошло пятнадцать лет. И вдруг это письмо, фотография...

Сафарали дрожащими руками развернул вчетверо сложенный листок — он и сам не мог понять, почему не прочел его сразу. «Здравствуй, папа». Он оторвал взгляд от строчек и обратил его на фотографию. На этот раз ему показалось, что женщина улыбается грустно, а может быть, даже с легким укором, и почудилось, что укор этот адресован ему, укор за все невзгоды, за несбывшиеся надежды. Но он ведь и сам... Нет, нет, это злой случай, война проклятая виновата!..

Почему-то захотелось посмотреть на подпись внизу письма, там стояло лишь одно имя — Олеся.

Олеся писала, что родилась она весной сорок пятого года, перед самой победой. Когда подросла, узнала — Микола Заремба ее отчим, отец трех ее младших братьев. «Мама сказала, что родной мой отец погиб на войне. А еще позже объяснила — не погиб он, а пропал без вести. Но вот в прошлом году я услышала по радио рассказ о том, как фронтовик нашел после войны детей, и подумала — а может, и дети смогут разыскать своих отцов, пропавших без вести. Написала министру

обороны и в Военный комиссариат Узбекской ССР. И вот, наконец, — какое счастье! — получила радостную весть из Ташкента. Вас — отца своего — нашла! Не знаю, признаете ли вы меня своей дочерью? У моих братьев есть и мать и отец. А у меня... По словам мамы, я очень похожа на вас. Узнаете ли вы нас на этой фотографии?!»

Сафарали впился глазами в лицо девочки — в самом деле, поразительно на него похожа. Как это сразу не бросилось ему в глаза?!

...Послышались шаги Мухаббат. Сафарали торопливо сунул письмо за пазуху. И устыдился этого жеста. Но что делать — не показывать же письмо Мухаббат. А может, наоборот, лучше сказать обо всем сразу и начистоту, в конце концов, чего в жизни не случается...

Но как, с чего начать разговор? Он силился придумать что-нибудь путное, но в голову не приходило ни одной спасительной мысли. Он так волновался, что не почувствовал не только вкуса маставки, которую разогрела и поставила перед ним Мухаббат, но и не заметил, как вообще поел. Жена заметила, что Сафарали не в себе — молчалив, хмур, — но отнесла это за счет усталости — подумать только, возвращается с работы в столь поздний час.

Мухаббат постелила постель и скоро заснула, а Сафарали, беспокойно ворочаясь, мучился тяжкими думами: «Сказать-то, конечно, нужно — рано или поздно сделать это теперь уже все равно придется. Но как Мухаббат воспримет это известие? Какой будет ее реакция — не повредит ли ей волнение, ведь она в положении... Что же делать?» Повернувшись к жене, он хотел было уже разбудить ее, но рука коснулась ее живота, и он замер в нерешительности. «А если разволнуется, разнервничается, начнет упрекать, да еще, упаси боже, доведет себя до истерики! Что тогда?!»

Холодный пот выступил у него на лбу — вот так история. Вот так задача, и ее надо ведь как-то решать. Попробуй-ка скрой, потом сам же изведешься — совесть-то, она разве позволит жить спокойно!

— Мухаббат, — решил он наконец разбудить жену.

Та проснулась, дотронулась до него рукой — дескать, что случилось?

Сафарали, запинаясь и стараясь не выдать своего состояния, сказал:

— Мухаббат, вы не спросили... от кого письмо?

— От кого же? — тихо спросила она.

Но ответить Сафарали не успел, в этот момент раздался сильный стук в дверь. Мухаббат испуганно прижалась к мужу, он мягко, но решительно отстранил ее, накинул халат и открыл дверь. Сафарали не сразу признал в здоровенном парне, стоявшем на площадке лестницы, Йигитали, племянника лучшего своего друга.

Наконец, присмотревшись, он воскликнул удивленно:

— Да никак это ты, Йигитали!

Парень закивал утвердительно, при этом странно, как-то жалко улыбаясь. Сафарали, заметно взволнованный, не без тревоги, прижал его к груди.

— Откуда ты?... В полночь...

— Из дома...

— Из Ферганы? О господи, но почему ночью?!

Йигитали понуро опустил голову.

В коридор вышла Мухаббат. Растерянно, но тем не менее как можно более приветливо, Сафарали проговорил:

— Йигитали приехал, Мухаббат! Встречай родственника.

— Ассалам алейкум, янга¹, — смущенно поздоровался с ней Йигитали. — Я, кажется, не вовремя побеспокоил вас...

— Э, да какое там беспокойство, жиян². Просим, проходите в гостиную.

Мухаббат усадила неожиданного гостя за стол и пошла готовить чай.

— Ты сразу к нам или по делам приезжал? — нарушая правила гостеприимства, спросил Сафарали, ему не терпелось выяснить причину внезапного приезда парня.

— Да, прямо к вам.

— Что-нибудь случилось? Говори!

Йигитали совсем поник, казалось, он не смеет поднять глаза на хозяина. Сафарали вопросительно уставился на него, но молчал, решил, что дело, видно, серьезное, если никак не может собраться Йигитали с духом.

¹ Жена старшего брата.

² Племянник.

Но то, что он услышал, было не просто серьезным, было невероятным.

— Я убил... Назара-ака...

— Что ты сказал?! — Сафарали подумал было, что племянник не совсем трезв и заговаривается малость.

Но тот обреченно повторил:

— Убил... Назара-ака...

— Но как... как! — Сафарали подскочил к парню, стал трясти его за плечи. — Да говори же!

Йигитали набрал в легкие побольше воздуха и стал говорить — речь его то возвышалась до крика, то почти затухала.

Сафарали со своим другом, однополчанином Расулом, стали кровными братьями на поле брани. После войны они часто, не один раз в году, общаются. Последний раз Сафарали побывал у Расула прошлой осенью, когда женили Йигитали. О, какая была свадьба! Заправляя на ней сам председатель колхоза — Назар-ака. На свадьбе пели и танцевали самые знаменитые артисты Ферганской долины. Сафарали до сих пор вспоминает с восторгом, как отплясывал с молоденькой очаровательной артисткой... И вот человек, проявивший отеческую заботу о Йигитали в те прекрасные дни, подумать только, убит! Но за что? В чем его вина и какова должна быть мера этой вины!

Йигитали, горестно раскачиваясь из стороны в сторону, рассказывал. Отправил его раис в город на курсы механизаторов, а его молодую жену Айнису, несмотря на то, что была она в положении, велел привлечь к земляным работам при очистке канала. В результате у Айнисы случился выкидыш. Первый ребенок, его ждали, о нем мечтали, все разговоры в семье были только о будущем наследнике! И вот такая нелепость, а вернее, жестокость раиса. Возвратившись из города и узнав о случившемся и о виновнике несчастья, Йигитали, обезумевший от горя и ярости, бросился в контуру правления. Ворвавшись в кабинет председателя, он, ни слова не говоря, схватил со стола мраморную пепельницу и запустил ее в голову не успевшего ничего понять раиса.

— Ах, как скверно, ах, как нехорошо получилось, племянник! — выслушав Йигитали, воскликнул Сафарали. — Но почему ты решил, что убил Назара-ака?

— Раис упал замертво на ковер и не шевелился, даже не стонал. Я понял, что он...

И Йигитали стал еще безнадежнее раскачиваться.

— Но почему ты никого не позвал на помощь?! Почему не сказал ни слова дяде!

— Мне стало так страшно, что я убил человека... Захотелось убежать, подальше, подальше от этого ужаса. Хорошо, деньги были при мне, я кинулся к вам.

— Ну, парень, сотворил ты себе беду!

Сафарали так был поражен рассказом, что собственные его волнения, минуту назад казавшиеся неразрешимыми, отступили на задний план.

Мужчины замолчали, а Мухаббат, видя их подавленное настроение, не решалась на расспросы. Догадывалась лишь — что-то произошло.

Приближалось утро, когда Сафарали, видимо, придя к какому-то решению, резко встал и начал быстро одеваться.

— Вставай, пойдем! — сказал он Йигитали.

Йигитали непонимающе и затравленно смотрел на его сборы.

— Ну, что рот разинул! — грубовато поторопил он парня. — Надо идти, на месте будем решать, как быть. Мухаббат, позови дочь тетушки Сажиды. Пусть она побудет с тобой.

Мухаббат промолчала. Йигитали покорно поднялся и, не произнеся ни слова, поспешил за ним...

2

Когда они ступили на территорию колхоза «Бустан», солнце только-только показалось из-за горизонта. Перешли по узкому деревянному мостику неглубокий, но шумливый Ширинсай, и впереди раскинулся кишлак.

И тут Йигитали словно прорвало — то ли страх оказаться на месте преступления заставлял его говорить, то ли он пытался сам себе объяснить случившееся.

— До каких пор за хлопком мы не будем видеть человека, дядя?! — Он называл Сафарали дядей, потому что тот был названным братом его родному дяде Расулджану. — До каких пор будем мириться с рансами-самодурами!

Сафарали слушал обвинительную речь парня и молчал, не спрашивал, подробностями не интересовался. Мысленно он соглашался с Йигитали, но знал — сс-

ли намекнуть, что в словах его есть зерно истины, тут уж племянника не остановишь.

Что же касается председателя «Бустона», так его знают во всей округе. И не с лучшей стороны. Слышал Сафарали о нем как о человеке жестком, когда речь шла о плане, тут уж для Назара-ака родного отца не существовало. Сафарали имел возможность познакомиться с младшей сестрой председателя, не раз приходившей к соседке Сажиде, и беседовать с ней за дастарханом. Однажды, рассказывала она, случилось так, что чья-то корова забрела на хлопковое поле. Назар-ака велел ее немедленно зарезать. Хозяйка коровы — вдова, муж которой погиб на фронте, умоляла пожалеть семью, оставить коровушку — кормилицу ее детей, не внял ее мольбам раис.

...Уже в кишлаке Сафарали хмуро бросил Йигитали: — Ты топай домой... А я — в контору.

Йигитали послушно свернул в проулок. Сафарали направился в сторону колхозного правления.

...Смахнув пыль с сапог щеткой, висевшей на крыльце, он вошел в контору. Здесь было безлюдно, только в приемной молоденькая девушка стучала на машинке. Сафарали спросил у нее о председателе. Девушка сказала, что он в поле. Услышанное настолько ошеломило Сафарали, что он едва не рухнул — вдруг в ногах пропала сила. Глянул на девушку — она, как ни в чем не бывало, продолжала печатать и не видела его состояния.

«Хорошо, что жив», — вздохнул облегченно Сафарали.

— А скоро будет?

— Кто?

— Как кто?! Председатель, конечно.

— Подождите, наверное, раис-ака уже едет, — секретарша бросила взгляд на часы. Сафарали вышел на улицу.

В конце улицы показалась машина, она быстро приближалась к конторе. «Едет!» — подумал Сафарали.

И действительно, к конторе подкатила «Волга» голубого цвета, остановилась, подняв клубы пыли. Распахнулась дверца, спустя мгновение Сафарали увидел худощавую фигуру председателя, который, сосредоточенно глядя себе под ноги, прошагал в контору.

Сафарали, выждав минуту-другую, устремился сле-

дом. Председатель сидел, опустив голову. Возле него — чайник, пиала. На столе письменный прибор и... мраморная пепельница, размером с ладонь. «Тяжеленная, видно. Да, такой и убить можно. Чудо спасло тебя, председатель!» — подумал Сафарали, пытаясь обнаружить на голове раиса следы ранения. Да нет, вроде бы явных повреждений нет, только вот глаз почему-то заплыл — может, ударился, когда падал.

Раис тем временем рассматривал посетителя, а когда заговорил — голос его оказался мягким и доброжелательным.

— Проходите, садитесь.

Сафарали не спеша прошел к столу, сел напротив Назара-ака и начал говорить так, словно ни о чем не знает, ничего не ведает.

— Вчера, оказывается, этот сорванец... Йигитали... возвратился с учебы...

— Скажите, пожалуйста?! — иронически произнес председатель. — А с вами мы, кажется, уже встречались? Вы ведь из Алмазара?

— Так точно... Сажида, наша приятельница, — соседка вашей младшей сестры...

Председатель при этих словах даже бровью не повел. После некоторого молчания он неожиданно резко заявил:

— Племянник вам «этот сорванец» или чужой, не знаю. Но он — неблагодарный! Я проявил о нем отеческую заботу, я помог ему...

Сафарали, сдерживая себя, чтобы не сорваться на крик, перебил раиса:

— Человек, проявляющий отеческую заботу, должен быть последовательным в своих поступках...

— Мое молчание — разве не подтверждение тому?! — процедил сквозь зубы председатель. — А мог бы...

«Хитер, сволочь! — подумал Сафарали. — Если бы не чувствовал своей вины, знал бы, что делать!»

— Уж не из отеческого ли участия вы погубили еще не родившееся дитя!

— Да этот парень сам еще чистый ребенок, зачем ему дитя? — криво усмехнулся председатель.

Сафарали чуть не задохнулся от гнева, услышав подобное:

— Да, конечно, вам не дети, вам план нужен... Любой ценой!

— Послушайте, братец! У меня и так много совет-

чиков, от одного Расула спасенья нет, а тут еще вы... Правильно, мне план нужен! Государство того требует. И требует-то с меня...

Сафарали прервал его:

— Однако государство не говорит: посылай беременных женщин на тяжелые работы или держи школьников на уборке хлопка вплоть до белых мух. Вы думаете только о сегодняшнем дне, вам и в голову не приходит, что завтра понадобятся работники с крепким здоровьем, образованные, способные внести вклад в научно-технический прогресс, способные ускорить социально-экономическое развитие нашей страны...

Председатель вздрогнул, отвернулся. Потом резко поднялся и, заложив руки за спину, стал из угла в угол мерить кабинет.

— Я ли не стараюсь, чтобы поднять экономику колхоза, — сказал он, остановившись возле сидящего Сафарали. — Если понадобится, жизнь отдам за благополучие колхоза. Где вы были в годы войны, когда я тащил на своих плечах еле теплившееся хозяйство?

Сафарали вскочил с места как ужаленный, да и действительно, слова ранса были полны яда.

— Я был среди тех, кто защищал Родину, и вашу жизнь тоже. Сегодня вы бьете себя кулаком в грудь, кричите, что везли непосильный воз, и совершенно забываете, что хозяйство-то держалось не на ваших плечах, а на плечах женщин и подростков. Да еще старики. Если откровенно — то и сейчас в основном женщины трудятся в колхозе, да такие вот парни, как Йигитали. Уважать их надо, а то ведь и скинуть вас с должности могут!

Председатель насмешливо скривил губы.

— Поглядим, когда родится тот, который скинет. Государство, партия доверили мне эту работу, и я буду делать то, что от меня требуют...

— Вы — демагог! — выпалил Сафарали. — Свою беспомощность, неумение работать прикрываете партией. — Он, круто повернувшись, рванул ручку двери. Но уже на выходе обернулся: — Наш разговор не закончен. Мы еще посмотрим на вашу силу!

С шумом хлопнув дверь, он нервно сбежал по бетонным ступенькам крыльца.

Сгоряча Сафарали такого наговорил, что и сам своей смелости поразился. Он-то ехал сюда совсем не за тем; охваченный тревогой за судьбу Йигитали, за

жизнь председателя, он хотел лишь одного — найти с другом своим Расулом выход из создавшегося положения. Но, слава богу, ранс оказался жив! Какое счастье, что Йигитали не совершил преступления!

Но вот он сам лично столкнулся с Назаром-раисом и понял — этот тип прошлой закалки. Хитер, изворотлив, жесток — люди для него всего лишь рабочая сила. Своей демагогией председатель вывел из состояния равновесия даже его, уравновешенного по характеру Сафарали. Что же говорить о Йигитали! Нет, нет, боже упаси, он не оправдывает поступок парня, он лишь понимает, что поступок этот был спровоцирован.

Когда Сафарали, все еще взволнованный и исполненный гнева, поведал о своем «разговоре по душам» с председателем Расулу, тот решительно сказал:

— Ты поступил правильно, наши мысли совпали. Недавно я тоже с ним ругался, давно его осадить надо.

Сафарали, слушая Расула, вспомнил слова председателя о «советчиках» и улыбнулся.

Расул помолчал, неторопливо развязывая узелок на платке, который вытащил из кармана, потом опять завязал и положил платок в другой карман. Сафарали следил за ним все с той же понимающей улыбкой — уж не для ранса ли этот узелок?

— Не-е-ет, нам с этим председателем предстоит еще бороться и бороться... Школу закрыл сегодня, всех детей на чеканку хлопка в поле приказал вывести. И так бедняжки по два-три месяца оторваны от занятий! А потом учатся кое-как. Едут после школы в высшие учебные заведения, а там на первых же экзаменах с треском проваливаются. Вот и получается — у школьников из кишлака знания слабые! Не оставляют без упрека и несчастного сельского учителя — дескать, плохо владеет своим предметом. Да разве можно стерпеть такое!..

По тому, как взволнованно, горячо говорил Расул, Сафарали понял, что он не раз «дрался» с председателем и будет еще «драться»! «В сравнении с его заботами мои выглядят ничтожными. И стоит ли мне говорить другу о них?!» — подумал Сафарали огорченно.

...До полуночи вели беседу, а потом, незаметно для себя, ударились в воспоминания о товарищах по оружию — Бутавае, Байзаке и, забыв на время о бедах и огорчениях сегодняшнего дня, шутили, смеялись, вспоминая веселые истории, которые случались даже там, на суровых фронтах войны. Ну, например, Байзак, ког-

да враг наседали, когда был особенно жаркий бой, стреляя из ручного пулемета, орал по-русски на весь окоп: «Шорт возьми!» И как ни трудно было солдатам, на душе становилось как-то легче от задорного возгласа казахского парня. Была у Расула любимая песня «Чаман ичра»¹, в часы отдыха он частенько ее напевал. Байзак пел ее, произнося слова на свой манер — «Шамен иш-ре», — чем вызывал взрыв хохота среди солдат узбеков...

Аэропорт находился далеко от «Бустона», поэтому на следующий день Сафарали отправился домой на поезде «Фергана—Ташкент». Поднявшись в тамбур, Сафарали приглашал Расула в который раз:

— Приезжай, друг, в Алмазар. Давно уже не был. Ну, а если окажется времени побольше, навестим Байзака. Будет Йигитали горячиться... попридержи его.

— Может, в каникулы, а так свободного времени — в обрез... За Йигитали не беспокойся! Нас много... — крикнул Расул под шум колес тронувшегося поезда.

3

Поезд, не останавливаясь на полустанках, стуча колесами на стыках, мчался в сторону Ташкента.

За последние сутки пришлось столько пережить, что Сафарали чувствовал смертельную усталость, у него было такое ощущение, что он только что вышел из тяжелого затяжного боя. Особенно его тяготила тайна, которую он так и не решился открыть другу. Он мог задержаться, поговорить по душам с Расулом, Йигитали и его матерью, тетушкой Каромат, но не остался. Расулу, своему боевому другу, не открылся он до конца, ничего не сказал о Гале, дочке Олесе. Не смог. Казалось, у него своих забот по горло, не ко времени было взваливать на его плечи еще и чужие. Мухаббат осталась одна. Хотя соседка, тетушка Сажиди, заходит проведать ее, но все равно тревожно на душе. Приближаются роды. Да и на работе ничего не знают. Правда, он собирался уйти с этой работы, устроиться в совхозе, в Алмазаре, где его дом. Парторг этого совхоза Нартаджи каждый день, как будто ему делать больше

¹ «В цветнике».

нечего, пристаёт с уговорами — переходи да переходи. Но ведь все надо делать по-человечески, по закону. А у него получается прогул вроде бы без уважительной причины.

На душе было тяжело, неуютно. Как назло, почти все пассажиры из его купе сошли с поезда в Коканде, не с кем было перемолвиться словом. Только вот старик на нижней полке, но он как сел в Фергане, заснул, так и до сего времени спит. Сафарали тоже было прилегло, ночь-то они чуть не всю проговорили с Расулом, но какое там — уснуть не мог. Тоска в сердце не давала покоя. Не до сна.

Он смотрел в окно, а думал о своем. Мимо проносились пышные зеленые кроны карагачей и поля, поля, поля... День уже на исходе — горизонт багрового цвета. Природа одинока — ни единой живой души. Какая-то грусть была разлита во всем, что видел Сафарали. А может быть, это происходило потому, что грусть была в нем самом? Время тянулось до того медленно, что казалось, ночь и не наступит никогда. Не зная, куда себя деть, Сафарали то выглядывал в коридор, то вновь усаживался к окну.

Незнакомый старик по-прежнему спал. «А еще говорят, стариков бессонница мучает, — с раздражением подумал Сафарали. — Это надо же, столько спать!» Он уже ругал себя ругательски, что решил возвращаться поездом, но, видимо, так угодно судьбе. А ведь сегодня для Сафарали не просто обычный день! Каждый год этот день он отмечал как день своего второго рождения. Ах, как все складывается неудачно, он привык этот день отмечать, а иначе совесть его замучает.

Сафарали посидел некоторое время, уставившись в одну точку, потом убрал, брезгливо морщась, со столика измятую засаленную бумагу, опустил на окне дерматиновую шторку. В купе стало темно, и он включил свет. Старика не смутили ни шум опускаемой шторки, ни свет — он сладко похрапывал. Что делать? Разбудить и пригласить в ресторан да выпить граммов по сто за тот памятный день? Эту дату грех не отметить. Но к старику душа не лежала.

Сафарали вышел в коридор, остановился в задумчивости у окна. В его понимании — нормальный человек один не пьет. Кого же пригласить? Как нарочно, в коридоре было пусто, не станешь же заглядывать в купе, отыскивая человека, которому небезразлична твоя па-

мятная дата. В соседнем купе собралась, видимо, веселая компания, временами там раздавались взрывы смеха. Напротив этого купе, у окна, стояла девушка. Она бросила на Сафарали мимолетный взгляд, и он поразился тому, какие огромные у нее глаза. Там, за окнами, давно опустились густые сумерки, но девушка продолжала упорно рассматривать что-то в неведомой дали.

Ему внезапно пришла в голову шальная мысль — пригласить девушку... Но нет, нет! Что она подумает? Может грубо оборвать — какой еще ресторан с неизвестным мужчиной. Мало оборвать, еще и крик поднимет!

Он незаметно рассматривал ее — высока ростом, худощава. Похоже, едет недалеко — не переоделась. А вдруг она не одна — с мужем или отцом? И все-таки Сафарали непроизвольно шагнул к ней. Девушка посмотрела в его сторону и вновь обратила взор в окно, но теперь во всей ее фигуре ощущалось напряжение, какая-то настороженность. Если бы она знала, с какими чистыми намерениями приближался к ней Сафарали! Ну почему всегда так — люди относятся с сомнением к поступкам незнакомого человека, будто он обязательно носитель порока и зла. А ему-то, Сафарали, сейчас только и нужно, что дружеское участие, нужно с кем-то поговорить доверительно и открыто. Да и девушке, может быть, пошел бы на пользу его рассказ о фронтовом братстве.

— Послушайте... — Сафарали и сам не заметил, как заговорил с ней... — Не составите ли мне компанию в ресторан?..

Девушка смерила его холодным взглядом и не посчитала даже нужным ответить.

Но Сафарали не отступал.

— Сегодня... день моего рождения.

Девушка молчала, отвернувшись к окну.

— Как назло, ни одного знакомого... да и попутчик в купе слишком уж стар...

Девушка не без любопытства посмотрела на него.

— Говорите... день рождения? — в ее голосе прозвучали нотки сочувствия.

— В этот день я... как бы родился заново.

Девушка, удивившись, сверкнула на него горячими черными глазами.

— Да, вот так... — вздохнул Сафарали. — Дата памятная, а одному ее отмечать... неловко как-то.

— В таком случае надо найти компаньона!

— Вот я и приглашаю вас.

Девушка не ответила, но решительность с ее лица исчезла.

Какое-то время они молчали, думая каждый о своем.

— Но ведь вы же все равно скучаете, — не выдержал, наконец, Сафарали.

Девушка пожалала плечами, не ответив, направилась к своему купе. Но стоило ей открыть дверь, как послышались пьяные голоса, в коридор повалил густой сигаретный дым. Девушка сморщила нос и, быстро закрыв дверь, какое-то мгновение смотрела сосредоточенно на Сафарали, затем решительно сказала:

— Хорошо, идемте...

В ресторане было малолюдно. Выбрав стол с чистой белой скатертью, сели возле окна, друг против друга.

Сейчас Сафарали мог рассмотреть девушку как следует — она была еще красивей, чем показалась с первого взгляда. Худоба ничуть не портила ее.

— Что будем пить?

— Пить будете вы, ваш день рождения...

Сафарали, подзвав официантку, сделал заказ на свой вкус.

— Я выпью немного водки, а вы капельку вина. Да, кстати, мы же не познакомились. Меня зовут Сафарали, а ваше имя?

— Хабиба.

— Ну вот и познакомились. Не обидел вас своей назойливостью?

— Да нет...

— Вы, наверное, думаете, что это за человек странный? Так или нет? Каждый год стало у меня традицией отмечать этот день.

— Расскажите же, каким образом вы «вновь» родились?

— Непременно расскажу, но сначала по маленькой... — Сафарали улыбался. Рассказать! Да он только этого сейчас и жаждет!

Пришла официантка с подносом, густо уставленным закусками — салаты из свежих огурцов, помидоров, отварная рыба.

— Неужто мы все это съедем?! — удивленно воскликнула Хабиба.

Сафарали, держа в руках крохотный графин, замер — надо же быть такому дивному голосу! Они подняли тост за «второе рождение» Сафарали. Потом выпили за знакомство. Вернее — пил только Сафарали, а Хабиба «поддерживала» его, всякий раз лишь пригубляя рюмку с вином. Глаза ее светились добротой и участием. Сафарали в лихорадочном возбуждении рассказал о том, как встретил на войне Галю, которая спасла его, выходила, вырвала из лап верной смерти.

— А теперь-то, теперь?

— Что теперь?

— Ну, сейчас Галя жива-здоровая? — Хабибу эта история растрогала, и она волновалась.

— Жива... — У Сафарали на глаза навернулись слезы.

— Любите ее?

— Да ведь я женат... на другой.

— О господи, а жена знает? А дети ваши — знают?

— Нет пока детей... ждем...

— А у меня сыночек есть.

Сафарали помрачнел. Он не стал расспрашивать ее о муже, кто он, что.

— Вы... еще так молоды, — сказал он, глядя в ее огромные глаза.

Хабиба усмехнулась. Она почувствовала, что последняя рюмка может стать лишней, и решительно встала.

— Хватит... Пойдемте...

Сафарали послушно встал.

Когда добрались до своего вагона, Сафарали сказал:

— Вот было бы всегда так!

— Как? — Хабиба, посмотрев на Сафарали, улыбнулась.

— Ну, вот так, как сегодня. Любую незнакомую девушку приглашай и не бойся дурной молвы, поделись с ней сокровенным... В общем... Спасибо вам, Хабиба!

— Вы довольны?

— Очень!.. — сказал Сафарали живо. — Послушайте, Хабиба, вы все равно не отдохнете с вашими соседями, а в нашем купе место есть, перебирайтесь!

— Ваши соседи согласятся?

— Да в купе у меня один лишь старик, и тот спит беспробудно...

Хабиба принесла свой чемоданчик из все еще весе-

лящегося купе, и Сафарали распахнул свою дверь — старика на месте не оказалось. Сафарали, глянув на Хабибу, пожал плечами. Похоже, старик сошел на какой-то станции. Они рассмеялись.

Сели у столика, как и в ресторане, друг против друга, и вдруг почему-то оба почувствовали неловкость. Оставшись наедине, не знали, как вести себя, что говорить.

Сафарали выпил немного, но и этого было достаточно, чтобы он захмелел. Он чувствовал, как напиток горючит его кровь, смущался своего состояния и не мог уже вести себя с девушкой просто и естественно. Чувствуя его скованность, и Хабиба замкнулась и быстро расстелила постель, намереваясь спать.

— Не боитесь ночевать с чужим человеком? — неожиданно для самого себя выпалил Сафарали.

Хабиба вдруг рассмеялась и в свою очередь поинтересовалась:

— А вы-то? Не боитесь ночевать с незнакомой женщиной?

Сафарали не нашелся что сказать и смутился. Но, оправившись, негромко проговорил:

— Вас-то не боюсь. Однако за себя...

Хабиба, нахмурившись, взглянула на него и начала, сидя, снимать туфли. Когда она нагнулась, в глубокой прорези воротника на миг показалась белая, по-девичьи упругая грудь. Сафарали поспешно отвел глаза. Наверное, чтобы успокоиться, он торопливо растянулся поверх постели, закрыл глаза.

— Вай, вай, посмотрите на этого человека!.. Раздеться надо, — смеясь, сказала Хабиба.

— Да, да! Надо раздеться, — вставая, пробормотал Сафарали. — Сначала вы ложитесь... Потом я...

— Ладно, погасите свет... я переоденусь.

Сафарали нажал на кнопку выключателя. Он стоял в темноте, прислонившись к зеркалу двери, и ему и в голову не приходило, что куда удобнее и тактичнее было бы выйти в коридор. Запахло какими-то духами.

— Все, включайте!.. — сказала Хабиба.

Когда свет загорелся, Сафарали увидел, что она лежит, закутавшись в белую простыню, и загадочно улыбается. Или ему показалось это?!

— Да, — спохватилась Хабиба, отворачиваясь, — а вы-то не переоделись.

Сафарали, немного отрезвевший, присел на полку, стянул сапоги, выключил свет и только тогда разделся.

— Спокойной ночи. Добрых сновидений вам, Сафарали-ака! — раздался голос Хабибы.

— Спасибо... вам тоже... добрых.

Сафарали думал: «То, что сейчас происходит, не сон ли? О боже! Что же это такое? Держи себя в руках, Сафарали!» Однако шайтан нашептывал ему: «Протяни руку, дурак! Она же рядом, она так молода и прекрасна. Протяни лишь руку — и ты коснешься ее...» Он непроизвольно потянулся к Хабибе, нашел ее руку... Какая горячая!

— Хабиба, — прошептал он. — Вы спите?

Она неторопливо высвободила свою руку из большой ладони Сафарали и неожиданно для него произнесла умоляюще:

— Сафарали, жажда замучила!

Сафарали хотел промолчать, но не выдержал, вскочил, торопливо оделся:

— Сейчас принесу чай... у проводника выпрошу.

Он и вправду принес чайник чая. Разлил его в стаканы, выпили.

— Слишком много поели мы в ресторане, — сказала Хабиба, лукаво улыбаясь. — А теперь можно и спать!

Выключив свет, Сафарали усмехнулся в темноте: ну и плутовка, взяла да и разрядила атмосферу.

Он улегся, закрыл глаза — реальность путалась у него с видениями.

А что, разве грешно прижать к своей груди такую прекрасную девушку? Он представил Хабибу возлежащей на пуховых подушках, в тонком, прозрачном белье... Но почему-то к его изголовью подошла, улыбаясь, Мухаббат, и он не мог уже понять, кто же из них прекрасней и кого он жаждал заключить в объятия. Он попытался подняться, но во всем теле была страшная тяжесть, даже сказать он ничего не мог — не хватило силы пошевелить языком... Да, но кто же это рядом — Мухаббат или Хабиба?! Кто из них?

Поезд мчался в ночи, выстукивая колесами — так-так, тук-тук, — все дальше, дальше. И в голове Сафарали рождались странные видения и исчезали, как мираж.

Сафарали проснулся, не очень отчетливо представляя, где он и что с ним было вчера. Он оделся и поднял дерматиновую шторку на окне. Вот тебе и на! Утро! Рядом с ним была молодая женщина, а он до утра про-

спал мертвецким сном! Черт бы побрал проклятую выпивку, это все от нее! Хотел рюмочку, да не удержался!

И вот теперь постель Хабибы прибрана, а ее самой нет. О боже, что же это такое? Или приснился сон? Сафарали пошарил наверху: чемодана ее нет. Бросился в коридор — там ни живой души. Вагон мягко покачивался, поезд по-прежнему мчался все на той же скорости, было такое впечатление, что он и не останавливался ни разу. Но Хабибы-то нет, сошла на одной из станций!

Сафарали возвратился в купе, силясь понять — да была ли она на самом деле — эта удивительная Хабиба! Постель ее аккуратно убрана. Но на столике, у окна, стояли два стакана — после ночного чаепития, возле них лежала упаковка от лекарства. Сафарали повертел ее в руках — от снотворного. В ней еще оказались две таблетки... Сафарали все понял: «Ну, Хабиба! Прочила она меня!»

Вспомнив свое ночное поведение, он нашел его просто позорным, и от нахлынувшего стыда обхватил голову руками. А хотел по-человечески, по-благородному! Стыдно, ах, как стыдно!

Сегодня весь мир, целую неделю находившийся во власти набухших влагой черных туч и непрерывного дождя, засверкал под яркими лучами солнца. Деревья, травы дышали зеленой чистотой и свежестью. Начиналось настоящее лето — птицы забрались в прохладную чашу густых кустарников, подняли неимоверный гомон, словно выражали недовольство жарким днем. Собаки, которые обычно лают даже на летящих птиц, лежали в тени забора, высунув красные языки и тяжело дыша...

Сафарали в накинутом на плечи пиджаке, усталый, потный, пришел домой. Мухаббат, сидя на корточках у водопроводной колонки, стирала белье. Сафарали постоял немного в калитке, любуясь ею: на солнце щеки Мухаббат разругались, круглый живот выделялся даже в просторном платье. Выражение ее лица было сосредоточенным, будто она к чему-то чутко прислушивалась. Это было лицо будущей матери — нежное, полное ожидания. Он любовался ею, однако не без ревнивой мысли: а вдруг сейчас войдет кто-то и увидит ее оголенные выше колен ноги, ее белую грудь, так хорошо видную сверху в вырезе платья. Хотел было уж по-

журить ее, сказать: «ну как ты сидишь, жenuшка!». Но вместо этого заботливо произнес:

— И в такую-то жару работаете, вай-вай-вай! Уф-ф, мне кажется, вся земля горит. Хватит, бросьте все!

— Ой, уже пришли? И надо же, не заметила!.. — воскликнула Мухаббат, поправляя платье. Опустив штанны атласных шаровар, она вытерла со лба бусинки пота. — Накэпилось немного белья... Хотела выстирать... Да, как ваши дела?

— В порядке, — ответил Сафарали неопределенно. — Устал, хорошо бы выпить чаю.

— Сейчас, Сафарали-ака, закончу, приготовлю чай. Отдохните пока.

Сафарали ушел в дом. В спальне он повесил пиджак на вешалку и бросился на мягкую кровать. Наверное, потому, что комнаты были прибраны, а полы вымыты до матового блеска, на окнах опущены шторы и в доме царил полумрак, здесь было прохладно. Сейчас для Сафарали этот полумрак был куда приятнее, чем солнечный свет. В прохладе, в полумраке можно полежать, прийти хоть немного в себя от всех событий, обрушившихся на него за последние сутки. А тут еще история с Хабибой — стыдно, некрасиво вел себя. И почему это все проблемы разом навалились на него — Галина, Олеся! Нартаджи — жаждущий заполучить его к себе в совхоз. Какая же из этих проблем поменьше? Какую решать в первую очередь? От этих дум голова шла кругом.

И в самом деле Сафарали было трудно. Как он скажет Мухаббат о Галине и Олеесе? Что, так и выложить: «Я был женат. Вам говорил неправду... Теперь вот пришло письмо от дочери»? Что подумает Мухаббат, услышав это? Как поведет себя? А вдруг не простит обман? Да какой обман! Это же его несбывшееся счастье! Пршрое счастье. Но сейчас-то ведь для него дороже всего на свете — Мухаббат. И она ждет ребенка, как скажешь ей горькую истину? Рискованно.

4

Нартаджи настойчиво звал Сафарали в совхоз зоотехником, он даже успел показать ему совхозное стадо. Директор был в кишлаке человек новый, хозяйство принял года два назад, но о людях кишлака знал

уже, что называется, всю подноготную — кто как работает, на что каждый способен. Прослышал он от людей, что раньше Сафарали здесь, в кишлаке, был зоотехником — работающим, добросовестным, вот и не оставил его теперь в покое. Именно трудяги директору и были нужны. Сафарали отбивался, он привык на новом месте.

— На службе меня уважают, ценят, нет никаких оснований для увольнения, — сказал он директору. — Что я скажу — работа перестала нравиться?! Не поверят.

Но Нартаджи не так-то просто было убедить.

— Мне кажется, человек должен работать по специальности... там, где принесет большую пользу. — И заключил жестко: — В случае, если не освободят... по доброму, придется просить районный комитет партии, чтобы помогли вернуть хозяйству специалиста.

Сафарали помрачнел.

Директор совхоза, видя его настроение, уже мягче поговорил:

— Вы извините, если я погорячился... Зоотехников можно найти много, но мне нужен надежный... знающий, одержимый! Потому и уцепился за вас. Но если нет у вас желания заниматься этим делом, неволить не стану. Я ведь так, дай, думаю, в последний раз попытаюсь доказать — что не только о себе думать надо, о людях в первую очередь.

— До вас мне так отбили охоту заниматься любимым делом, что век не забуду! — горько усмехнулся Сафарали.

— Пришлось всех этих «специалистов» — родственников бывшего директора — выгнать. Довели хозяйство до ручки, платить рабочим первое время нечем было. Собрал их всех и честно рассказал, в каком экономическом состоянии совхоз. Предложил сообща искать выход. Многие поняли, стали вносить дельные предложения. Но главное, я их заверил, что теперь оплата будет только за труд. За честный труд — честная оплата! И — вовремя! Никаких махинаций и липовых отчетов. Перевыполнила бригада, отделение план — по лучай сверхплановые! Поверили. Возвратилось большинство толковых специалистов, в свое время ушедших по «собственному желанию». За два года совхоз стал рентабельным, начал давать прибыль. Хлопок, фрукты, овощи — с этим у нас нормально! Работаем над

повышением их урожайности, нашли пути решения этой задачи. А вот животноводство — ну никак не сдвинем с мертвой точки. Хоть убей! Говорил я с народом, и многие вспомнили о вас не только как о хорошем специалисте, но и честном, добросовестном человеке. Такие нам и нужны.

Сафарали машинально кивнул, несколько озадаченный внезапной директорской откровенностью. Может быть, действительно, стоило подумать о возвращении.

На работе руководство встретило его холодно, неприязненно, видимо, слухи о том, что Сафарали переманивают в совхоз, дошли до него.

— Заходите, Сафарали! — главный инженер приглашал его так, словно ждал.

Сафарали, излагая цель своего прихода, чувствовал себя неловко. Главный катал ладонью по столу толстый красный карандаш «Богатырь» и, не прерывая, терпеливо слушал.

— М-да, значит, хотите уходить? — наконец проговорил он.

Сафарали потупил глаза.

— Мы в чем-то провинились перед вами? — продолжал главный.

— Да не-е-ет... — пробормотал Сафарали. — Ничего такого не было.

— А почему же тогда райком вмешался? — раздраженно спросил главный.

— Это, наверное, директор совхоза...

— А что скажете сами? Ваше личное мнение каково?!

— Я... — замялся Сафарали. — Как-никак, родной кишлак... да к тому же, буду работать по специальности.

— Ну что ж, — холодно заключил главный инженер. — Оставьте заявление в приемной.

По тому, как главный сравнительно легко согласился на его уход, надо полагать, директор совхоза «хорошо поработал» в этом плане. «Не напрасно, должно быть, говорят о нем, что он из породы тех, у кого мертвая хватка», — подумал Сафарали.

В приемной, присев к столу секретарши, он написал заявление и поинтересовался:

— Когда прийти за расчетом?

— Я сегодня же дам на подпись, — сказала девушка. — Наведайтесь завтра.

А Сафарали-то думал: с утра зайдет к главному, получит его визу, и сразу — расчет. К сожалению, все вышло иначе. Главный недоволен, раздражен, но ни в какое сравнение не шло неудовольствие главного с обидой товарищей, с которыми проработал бок о бок не один год. Одни хмуро отворачивались, другие ядовито ворчали: «Тепленькое местечко нашел»... В профкоме его долго мурыжили, не подписывали обходной.

Женщина-профорг подняла его при всех на смех:

— Жена его — человек настойчивый, вынудила-таки нашего Сафарали оставить работу! Перетаскивает поближе к своей юбке.

Поднялся невероятный хохот. Сафарали смутился. Однако что он мог ей ответить! Объяснить причину увольнения? Но тогда ведь надо рассказать все, что услышал от Нартаджи-ака. Да и поймут ли?

Но вот, наконец, Сафарали подписал обходной лист и в профкоме, и в бухгалтерии, и, наконец, даже в библиотеке. Он радостный направился к двери, но девушка-библиотекарка задержала его.

— Минутку, Сафарали-ака!

Он остановился, вопросительно посмотрел на библиотекаршу.

— Вам письмо... сегодня в нашей почте обнаружила.

Сафарали, точно оглушенный, стоял не шелохнувшись. Первая мысль его была, — а вдруг это опять оттуда, из Винницы?! Но почему не на домашний адрес?

— Заберите же свое письмо... Что вы за человек?!

Сафарали, осторожно взяв в руки письмо, с опаской посмотрел на обратный адрес.

— Это же от Бутава! — воскликнул он, расплывшись в улыбке, и поблагодарил библиотекаршу за радостную весть. Здесь же во дворе, под большим деревом, прочитал послание друга.

«Дорогой брат Сафарали! — От этих слов на глаза Сафарали навернулись слезы, к горлу подступил комок. — Возможно, получив это письмо, удивишься. Я тот самый твой друг Бутавай, который вместе с тобой сражался за нашу родную Украину. — В этом месте у Сафарали задрожала рука, державшая письмо. Судорожно вздохнув, он продолжал читать. — Тринадцать лет я разыскиваю тебя, дружище. Недавно побывал по делам в Чимкенте и вдруг — встретил Байзак! Он по-прежнему большой жизнелюб, такой же шутник, каким мы его запомнили. Через каждые два слова

произносит свое знаменитое «Шорт возьми!» Он забрал меня к себе домой. Ну и поговорили мы с ним по душам! Вспомнили всех товарищей по оружию. Особенно нашу жизнь в лесу под Винницей! Байзак сказал, что как-то встречался с тобой в Ташкенте. От него я узнал, что ты работаешь технологом на заводе (а зотехнику бросил, почему?), что женился (поздравляю!). Домашний твой адрес Байзак запомнил, а вот рабочий дал, потому и пишу на работу. Может, дойдет. Если сможешь, приезжай ко мне. Сейчас время отдохнуть, посидеть с дочкой на реке, съездить на кумыс. Нам есть с тобой что вспомнить. Женушку тоже вези. Жду ответа. Твой боевой друг Бутавай».

Сафарали, прочитав письмо, прислонился к дереву и долго не мог собраться с мыслями. Воспоминания, от которых он пытался уйти последние два дня, вновь нахлынули, взяли за душу. Перед глазами стояли обрывки строк из письма Бутава: «Винница», «Шорт возьми!», «На кумыс»...

И тут же возникали другие строки: «Здравствуй, дорогой папа». Слова эти требовали от него какого-то ответа, каких-то действий. Каких?! А что если посоветоваться с Бутаваем?

В основном Сафарали закончил дела, осталось в бухгалтерии получить расчет. Можно и потом, не к спеху это, подумал он, уж лучше не откладывая съездить к другу, пока не оформился в совхозе и есть пара дней свободных.

Мухаббат внесла маленький фыркающий самовар, пригласила к столу. Сафарали нехотя сел. Мухаббат, бросив на него тревожный взгляд, озабоченно спросила:

— Нездоровится?

— Немного разморило, наверное, от жары... — улыбнулся он.

Ласковый, любящий взгляд жены, ее заботливое участие быстро сняли его плохое настроение, Сафарали охотно стал пить чай.

Когда Мухаббат увидела, что муж снова бодр, она решила сообщить о приходе Нартаджи.

— Вечером директор снова обещал навестить, — добавила она, помолчав.

— А когда же он был-то? — не без ревности спросил Сафарали, глядя на раздумянившееся лицо Мухаббат.

— Утром, только вы ушли, он и пожаловал.

«Хорошо, что этот настырный Нартаджи не застал Мухаббат тогда, за стиркой, увидел бы во всей красе беременную женщину!» — с раздражением подумал Сафарали, а вслух произнес:

— Ну что им не терпится!.. Ведь согласился же я!

— Кстати, вы не показали мне то письмо... О чем оно, от кого? — внезапно перебив его, спросила Мухаббат.

Сафарали на какое-то мгновение растерялся, а если честно говорить, то просто-напросто струсил. Но тут ему в голову пришла спасительная мысль, и он овладел собой.

— О, совсем запмятовал! — сказал он извиняющимся тоном и достал из внутреннего кармана висевшего на вешалке пиджака конверт.

Одарив его теплой улыбкой за доверие, Мухаббат стала читать письмо. Пока она читала, Сафарали затаив дыхание следил за ней — поймет или не поймет, что это за письмо?!

Когда Мухаббат вновь вложила листки в конверт и подняла на него глаза, он сказал с чувством:

— От боевого друга...

— А что ответите Бутаваю? — немного помолчав, спросила Мухаббат.

— Не знаю даже... — пожал плечами Сафарали, хотя и решил уже твердо навестить друга. Но он знал, как нужен сейчас Мухаббат, и промолчал.

— На заводе расчет получили? — поинтересовалась жена.

— А что? — Сафарали спрашивал так, для проформы, он уже знал, какая мысль пришла в голову его доброй жене.

— Да вот подумала... если со всеми делами там кончили, съездили бы, повидались с Бутаваем... ведь потом-то трудно будет урвать время. В этом году отдохнуть не придется, в совхозе дел невпроворот, там не скоро отпуск получишь. — Мухаббат, глядя на него преданными глазами, говорила озабоченно, с сочувствием. Она считала, что Сафарали замкнулся в себе, стал неразговорчивым, раздражительным оттого, что устал. — Совхоз столько ждал, подождет еще. Ничего не случится за несколько дней, а вам отдохнуть следует.

— А вы, Мухаббат?! Одна и в такую пору...

— Волки меня не съедят. Приглашу ночевать дочь тетушки Сажиды.

— Да я не об этом... — сказал с нежной улыбкой Сафарали и легко прикоснулся к ее круглому животу.

— Ну вас! — смутилась Мухаббат. — Не надо беспокоиться. Хабиба сказала... еще время есть.

— Хабиба?! — чуть было не вскричал удивленный Сафарали, думая, что ослышался. — Какая Хабиба?

— Чему вы так удивились? Вы что, знакомы с Хабибой? — спросила, лукаво улыбаясь, Мухаббат.

— Нет, нет!.. — Сафарали в свою очередь покраснел.

— Коль не знакомы, вам следует знать: Хабиба — жена Нартаджи.

— Что, что ты сказала?

— Да, да. Она — доктор.

Как же так?! Если верить проводнику вагона, Хабиба сошла на станции Сырдарья. Ах, шайтан! Дурная башка! Совершенно запамятовал — Нартаджи приехал работать в совхоз-то из Сырдарьи. А там у них — родственники. Вот и сошла она, видимо, проведать мать!

— Говорите, доктор? — как-то машинально переспросил он и весь внутренне сжался, вспомнив, как вел себя в ту ночь в поезде...

Два стакана на столике, пустая коробочка от снотворного... «По правде говоря, на такой фокус только врач и способен». Подсыпав лекарство, усыпила и тем самым избавила его от неприятной истории. Вместе с этими мыслями в его душе зародился и страх: «Вдруг она обо всем рассказала мужу, Нартаджи! Постой-ка, — одернул он себя, — чего ты испугался! Ведь, собственно говоря, ничего же не было». Хотя... конечно, вел он себя не лучшим образом. Ох, сколько же всего враз навалилось на него. Нет, видно, действительно, сейчас самое лучшее уехать, чтобы как-то все улеглось, утряслось, позабылось.

Какая же Мухаббат молодец, какой чуткий, внимательный человек. Она видит, понимает, что он переживает, нервничает, и согласна даже в такое время отпустить его. Теплая волна заполнила его душу. Он ласково обнял за плечи сидящую рядом жену, благодарно сказал:

— Ладно, решено! Завтра же еду, а вы, если можно, подготовьте все необходимое к отъезду.

— Вот тебе раз! Что значит — «если можно»! Кого, как не вас, я должна собрать в дорогу! Такое мог сказать только Афанди...

— Молодец, жена родного мужа! — рассмеялся Сафарали и снова обнял Мухаббат.

— Ну, право, не надо дурачиться!.. — говорила жена, а на лице ее была счастливая улыбка.

Сафарали и сам в этот момент был счастлив.

Добрая, любящая жена — разве это не счастье! Да и предстоящая встреча с фронтовым товарищем сулила радость. А кроме того, казалось, что именно Бутавай, человек, знавший историю его любви с Галей, поможет, подскажет выход. Ведь помнит же Сафарали, каким находчивым, каким изобретательным был его друг на войне. Да-да, ехать скорее. Бутавай поможет!

А утром, ни свет ни заря, явился Нартаджи. По сельской привычке Сафарали уже сидел за чаем. И все же он был недоволен таким ранним визитом. С одной стороны, его стали мучить угрызения совести при воспоминании о Хабибе, а с другой, он испугался, как бы не сорвалась поездка к Бутаваю.

Но Нартаджи вел себя спокойно, а зашел лишь сказать, что Сафарали может хоть сейчас же приступить к работе.

Сафарали показал директору письмо от Бутавае и попросил подождать его дня два-три.

— Тринадцать лет не виделись, когда еще выпадет случай встретиться! — заключил просьбу Сафарали. — Тут недалеко, на поезде пять-шесть часов пути. Я быстро обернусь. А может, и вы со мной махнете, проветритесь!

— Спасибо. У меня масса неотложных дел, — замахал руками Нартаджи. — Конечно, хорошо бы кумыса попить, порыбачить. Вы поезжайте, посмотрите, что за места. Понравится, выкроим позже время, съездим на недельку с Мухаббат и Хабибой. У меня свой «москвичок». Премнальный!

— Договорились!

— Коли так, одевайтесь. Еду по делам в город, подвезу на завод.

«А что, и правда, пусть подбросит, — решил Сафарали. — Получу расчет, чтобы уж не возвращаться к этому».

— Мухаббат, подготовьте вещи. Я поеду пятичасо-

вым поездом, — бросил уже с порога Сафарали, уходя вместе с Нартаджи.

Домой он возвратился после полудня. Вещи его были собраны и аккуратно уложены, Мухаббат только и ждала знака, чтобы подать ароматную шурпу на обед. Как и всякой женщине, ей хотелось как можно лучше накормить мужа перед дорогой.

— Ну, мне пора. Скоро четыре... Надо еще машину поймать, — сказал Сафарали, поблагодарив Мухаббат за обед.

Он стал молча собираться, не глядя на жену. Мухаббат знала, почему он так долго и сосредоточенно зашнуровывает туфли: Сафарали редко уезжал далеко, он не любил минуты прощания, для него это было всегда трудно — словно бы он прощался навсегда. Когда жена подала ему маленький чемодан, он порывисто прижал ее голову к груди и уткнулся в шелковистые волосы. Замерев, они простояли какое-то мгновение, переживая каждый по-своему разлуку.

— Берегите себя, — прошептал Сафарали. — Я скоро вернусь.

— У вас привычка... как уедете... никакой весточки, — дрожащим голосом говорила Мухаббат. Глаза ее умоляли, чтобы он быстрее возвращался. Сафарали это понял.

— Самое многое — через три дня...

Проводив Сафарали за калитку, Мухаббат, грустная и подавленная, села на кровать. Как они с Сафарали привыкли друг к другу, разлука даже на два-три дня и то кажется невыносимой. Надо бы чем-то заняться, чтобы отвлечься, ну, вот хотя бы в доме прибраться, пол вымыть, но, как учила в детстве мать, после отъезда родного человека этого делать нельзя, не к добру. Мухаббат не была суеверной, но нарушать обычай не осмелилась. Бог с ней, с уборкой, решила она и отправилась к тетушке Сажиде — поболтать, развеяться, а заодно и позвать ее дочь Мухайё — та была девочкой доброй, услужливой и часто помогала Мухаббат.

В дом они вернулись поздно и сразу же уснули.

Мухаббат, как всегда, поднялась чуть забрезжил рассвет. Тут же занялась делом — подмела двор, выпустила кур со двора на лужайку. Затем разбудила Мухайё и стала накрывать дастархан к завтраку. На сто-

ле ей вдруг бросился в глаза конверт. Она заволновалась — неужели забыл второпях письмо друга?! Но ведь там же адрес!

Мухаббат машинально взяла в руки конверт, прочитала обратный адрес: Украинская ССР, г. Винница... Заремба. Она ничего не могла понять, и все так же автоматически открыла распечатанный конверт. Фотография женщины и девочки.

Написанное крупным ученическим почерком письмо.

Когда Мухайё, умывшись во дворе, вбежала в комнату, она застала Мухаббат сидящей на стуле с совершенно отрешенным лицом, руки ее повисли, точно плети. Мухайё испугалась.

— Позови маму, — безжизненным голосом попросила Мухаббат.

Мухайё бросилась к матери, а минут через пять прибежала, запыхавшись, тетушка Сажида. Мухаббат лежала на ковре и тихо стонала. Тетушка Сажида, не зная, что предпринять, охая, суетилась возле нее. Наконец она сообразила кликнуть дочь:

— Мухай! Эй, Мухай! Шайтан тебя забери! Беги вызывай «скорую»!

Тетушка Сажида возвратилась к Мухаббат, причитая:

— Ах, я несчастная! И какой это мужчина оставляет жену перед самыми родами!.. Каким беззаботным должен быть этот человек!..

5

А Сафарали в это время трясся в рейсовом автобусе, который, поднимая густой шлейф пыли, мчался в сторону колхоза имени Амангельды. Автобус был старенький, душный, с дребезжащими окнами, он то и дело подскакивал на рытвинах и ухабах грунтовой дороги, петлявшей среди зарослей камыша и тамариска, но, занятый своими думами, Сафарали не замечал всего этого, как не обращал внимания и на громкие разговоры попутчиков. Холмистая местность напомнила вдруг степи Украины. Изрытая оврагами земля, заросшие травой арыки, заброшенные поля напоминали траншеи и окопы военной поры... Нахлынули воспоминания тех прошедших лет.

...Деревня недалесо от Винницы. Только что стих

бой, прижав к себе винтовки и автоматы, на дне окопа отдыхали солдаты, вымазавшиеся грязью, трудно было узнать сейчас — кто из них кто. Бой был нелегкий, но вот выпала свободная минутка — и слышались в окопе шутки, подначки. А часто и песня слышалась. У ферганца Расулджана был сильный и приятный голос. Так и звучит в ушах его любимая песня «Чаман ичра». Бутавай почти всегда подпевал ему, он даже в бою, после удачного выстрела, радостно кричал:

— Еще один свалился, чаман ичра!

Не отставал от него и Байзак. Однажды в окопе после очередного боя все спали, и вдруг раздался выстрел. Бойцы проснулись как по команде, повернули головы в сторону выстрела. Стрелял Байзак. Командир отделения, украинец Тарас Прокопенко, подскочил к казаху, ожег его злым взглядом:

— Шс це таке?

Байзак, не обращая внимания на вопрос, вытянув шею, всматривался вдаль.

— Куда она делась, шамен ишре, шорт возьми?! — восклицал он недоуменно.

— Що? — спросил Тарас, не понимая его слов и угрюмо глядя на солдат, корчившихся от смеха...

Сафарали, вспомнив этот случай, внезапно захохотал. Пассажир, сидевший рядом с ним, вздрогнул.

— Над чем вы смеетесь? — спросил он раздраженно.

— Просто так...

Пассажир смерил его недоуменным взглядом, пожал плечами — дескать, что с тебя возьмешь! — и демонстративно отвернулся.

Сафарали смутился было, но тут же забыл о недовольстве соседа, его вновь поглотили воспоминания о прошлом. Снова перед мысленным взором проходили дорогие лица друзей-однополчан. И почему-то вспоминалось сейчас все самое светлое, доброе, чистое, что несло в себе боевое братство. Обстановка была такой: стоит прекратиться перестрелке — смех, шутки, остроумие; начинается пальба, завывание мин — серьезные, озабоченные лица. Однажды, в затишье между очередной стрельбой, Бутавай спросил у Байзака:

— Ты зачем усы отпустил?

— Для маскировки, — ответил совершенно серьезно Байзак. — Создатель, шорт возьми, сотворил такой облик вашего покорного слуги, — на мгновение он приподнял пышные усы над верхней изуродованной губой, —

что я стал самым красивым парнем на свете. А красивых бьют в первую очередь, и насмерть. Пришлось прибегнуть к усиленной маскировке...

Байзак, довольный собственной шуткой, демонстративно подкрутил правый ус и, не обращая внимания на хохот, с наигранной строгостью осведомился:

— Зашем смеетесь?

И опять Сафарали чуть не рассмеялся на весь автобус, но вспомнил враждебный взгляд сидевшего рядом соседа и сдержался.

Духота в автобусе становилась невыносимой, но это никак не отражалось на настроении молодежи. В конце салона устроилась группа парней, в центре внимания которой был юноша, чем-то неуловимо похожий на Байзака военной поры. Он с безразличным лицом что-то рассказывал, а парни, окружавшие его, хватаясь за животы, корчились от смеха.

Это была другая молодость — счастливая, беззаботная, солнечная, но вот ведь что удивительно, тогда, в сороковые, и они, восемнадцатилетние-двадцатилетние, знали радость, знали светлые минуты.

Разрозненные картинки вновь ожили в памяти: пыльные бесконечные дороги, клубящийся черным дым, пламя пожарищ. Небо, заполненное вражескими истребителями, надвигающиеся чудища танков, и среди всего этого — их молодость. А для кого-то молодость стала вечной. И тогда, когда собираются они, фронтовые друзья, непременно вспоминают невернувшихся.

Автобус, натужно завывая двигателем, медленно полз на подъем.

— Братец, долго нам еще ехать?

— Как перевалим через этот подъем, так и кишлак будет, — сказал сосед. — А что, вы в первый раз?..

— Впервые в этих краях.

Взгляд соседа смягчился.

— В гости едете или по делам?

— Друг у меня здесь, Бутаваем зовут.

— Э, да вы к садовнику Бутаваю!

Хотя Сафарали и не знал, чем занимается Бутавай, он утвердительно кивнул.

Вскоре автобус въехал в кишлак, который с высоты холма просматривался из конца в конец. Поражало обилие зелени, кишлак небольшой, но какой-то уютный. Автобус остановился в центре, недалеко от чайханы. Сосед Сафарали, бросив ему: «Пошли!» — двинул-

ся к чайхане. У входа в чайхану стоял здоровенный детина, настоящий палван. Попутчик Сафарали подозревал его:

— Это гость к садовнику Бутаваю. Напон его чаем и проводи.

— Салам алейкум, гость! — расплылся в улыбке палван. — Милости просим.

— Ваалейкум.. — сдержанно ответил Сафарали, но все-таки последовал за парнем. Тот принес два чайника чая, пиалы, сел напротив гостя и зорко окинул чайхану.

— Умурзак-ата, — окликнул он проходившего мимо худого, как щепка, старика с бородой клинышком. — Знакомьтесь. Гость. Приехал к Бутаваю-ака.

— Прекрасно! Будьте счастливы, — приветствовал старик Сафарали, прикладывая руку к сердцу.

— Значит так, Умурзак-ата... Я срочно еду по делам в город... на этом автобусе, — сказал парень, — а вы, аксакал, проводите, пожалуйста, гостя к Бутаваю-ака.

— С удовольствием, — энергично кивнул старик, и его тубетейка из зеленого бархата заколыхалась в знак согласия.

— Но Бутавая-ака может не оказаться дома... — задумчиво проговорил палван.

— Если нет дома, значит, на бахче, где же ему еще быть, — сказал старик с каким-то удовлетворением. И по тому, как Умурзак-ата произнес это, Сафарали понял — к Бутаваю здесь относятся с уважением. А старик продолжал, обращаясь к Сафарали: — Вы даже не представляете, как здорово, что приехали к нам в гости!

Детина тем временем высмотрел уже мальчишку лет двенадцати, катавшего неподалеку на велосипеде.

Палван свистнул так оглушительно, что старик сморщился, как при зубной боли, и недовольно покосился на богатыря:

— И не стыдно тебе, такой большой, женатый, а точно сорванец свищешь!

— Кувандык! — зычным голосом позвал парень, не обращая никакого внимания на замечание старика.

Мальчишка подкатил, слез с велосипеда.

— Одна нога здесь, другая там — гони на бахчу к дяде Бутаваю, скажи — гость к нему приехал.

Кувандык нехотя произнес «ладно», но ехать не то-

ропился. Богатырь усмехнулся, пошарив в карманах, достал несколько монет, сунул их мальчишке в руку:

— На мороженое... Ну — давай!

Мальчишка, точно кошка, прыгнул в седло и, сверкнув радостно черными глазами, умчался. Старик не без ехидства заметил:

— Ваш друг знает, на каком языке говорить с современной молодежью!

Палван и тут никак не среагировал, лишь сказал:

— Ну вот, теперь можно идти... Если рано вернусь из города, тоже загляну к Бутаваю-ака.

Старый Умурзак, тронув за локоть Сафарали, повел его по улочке из высоких глинобитных дувалов, скрывавших от чужих глаз жизнь хозяев невидимых дворов.

«Почему Умурзак-ата иронически относится к этому богатырю?» — подумал Сафарали, но спросить старика не решился.

Когда вошли во двор Бутаваая, навстречу им вышла красивая, немного располневшая женщина.

— Встречай гостя, невестка! — сказал старый Умурзак, кивая на Сафарали. — Ризван, он друг Бутаваая. Из Узбекистана...

Ризван улыбнулась, и Сафарали показалось, что все засветилось вокруг — такая лучезарная была у нее улыбка.

— Вы Сафарали?

Сафарали, чуть смутившись, утвердительно кивнул. А спустя мгновение они уже говорили как старые знакомые. У Сафарали даже появилось такое чувство, что он здесь уже бывал, в этом зеленом, уютном дворе. Почти посреди двора — широкая сури, а вокруг множество цветов, на листьях которых подрагивали, как слезинки, капельки воды. И над всем этим благолепием — тонкий аромат. В дальнем углу был небольшой огородик — на грядках пламенем горели стручки перца, крупные плоды помидоров. В другом конце двора виднелись побеленные свежей известью хлев, сарай для сена, навес для скота. «Неплохо обжился Бутавай», — подумал Сафарали.

Ризван пригласила гостей в дом.

И опять-таки там, в гостиной, Сафарали почувствовал себя свободно, раскованно, словно все здесь было ему привычно и знакомо.

Не успела хозяйка напоить их традиционным чаем,

как во дворе послышались тяжелые шаги и густой бас Бутавай:

— А вот и сам хозяин прибыл!

Сафарали вскочил, и в ту же минуту в комнату, широко раскрыв объятия, ввалился Бутавай. Обнявшись, они, как дети, хлопали друг друга по спине, по плечам — смеялись и... плакали одновременно. Ризван и Умурзак-ата смущенно и растроганно смотрели на двух мужчин, не способных в такую минуту скрыть своих чувств. Наконец они успокоились и сели к дастархану.

— Какой ты стал богатырь, Бутавай! — восхищенно воскликнул Сафарали.

— А ты все такой же, Сафарали! Нисколько не изменился, точно замороженный или законсервированный. — И Бутавай рассмеялся своей шутке, взял из ниши две подушки, бросил их около Сафарали. — Приляг. Не так-то легко шесть часов кряду трястись в автобусе по нашим дорогам.

— Да, кстати, как Байзак поживает? — спросил Сафарали, удобно облокотившись на подушку.

— Он все такой же, не изменился. Погоди, расскажу сейчас...

Бутавай вышел во двор, оттуда послышался натужный скрип колодезного ворота. А через минуту-другую Бута вошел с запотевшим бидоном в руках.

— Держу в колодце... Летом использую его как дармовой холодильничек. — Бутавай не спеша обтер бидончик полотенцем, взболтал содержимое до образования пены и только тогда поднял крышку. Комнату наполнил дивный запах.

— О-о-о-о, кумыс! — не удержался от восторга Сафарали.

— Собственного приготовления, — расплылся в улыбке Бутавай, довольный произведенным эффектом. Он, почти священнодействуя, наполнил пиалы. Кумыс пенился, шипел. — Ну-ка, попробуй божественного напитка.

— А ничего не будет? Давно не пил.

— Не бойся!

— Да исцелит он нас от всех болезней! — Сафарали залпом осушил пиалу, смачно облизал губы. — Как-к-кой прекрасный напиток! Ледяной, зубы ломит.

Бутавай кивнул и свою пиалу выпил мелкими глотками. Потом, вытирая губы полотенцем, сказал:

— Спрашиваешь о Байзаке? Встретились мы с ним

в Чимкенте... А дело было так... Вот уже года три, как взвалил я на себя эти заботы, будь они неладны, — садоводом заделался!

— А что в этом плохого? — одобрительно кивнул Сафарали.

— Я не говорю — плохо быть садоводом... Но вот если дело не двигается с места, сады плохо растут, мало плодоносят, — это плохо!

Сафарали смотрел на друга, пока еще ничего не понимая, и тот пояснил:

— Если к полученным в этом году десяти тоннам фруктов на следующий год не прибавится ни одного килограмма, будет ли это достижением, движением вперед? Будет ли это хорошей работой?

— Ну, если все упирается в масштабы производства, расширяй площади!

— Я бы с удовольствием расширил. Но вот председатель! К тому же туго с водой. Когда начинали дело, в реке воды было достаточно. Все посадки, почитай, один чигирь обеспечивал. Чутьку расширил площади — воды стало не хватать, хотя чигирь крутится круглые сутки. Да к тому же, в реке воды теперь мало — течет тонкая змейка на доньшке русла.

— Почему?

— Как почему?! Всю воду разбирают, чуть ли не на каждом шагу стоят насосы для водозабора, плотины стали воздвигать.

Бутавай помолчал, вновь наполнил пиалы кумысом.

— Долго ломали голову, как разрешить проблему нехватки воды, и пришли, наконец, к выводу — надо покупать насос, последовать примеру соседей. Кончатся с дедовским чигирем... С трудом уговорили председателя. Сначала он уперся — ни в какую — упрям был, как шайтан! Тогда собрались все коммунисты... что называется, прижали к стенке. «Соглашусь, но с одним условием, — говорит раис, — за насосом сам Бутавай поедет». Ну и отправился я в областной центр, в Чимкент, с документами. «Зайдешь в облисполком, там тебе дадут разрешение на получение одного насоса, по лимиту», — сказал председатель, напутствуя меня. Если бы ты знал, как, оказывается, это сложно — получить насос! Я проклял все на свете!

Пришел в облисполком. Меня с бумагами то к одному, то к другому посылают. И когда осталось получить последнюю подпись, наступило время обеда. Я разоз-

лялся, аппетита никакого, не знал, куда себя девать. Вышел из здания и стал ходить вдоль фасада. И вдруг смотрю — навстречу человек идет, вроде бы мне знакомый. Усы... знаменитые усы! Я их сразу узнал.

— Байзак! — закричал я и чуть голос не сорвал от радости.

Вот так случайно и встретились. Узнал он, ради чего я там торчу, и решил:

— Не побывав у меня в ауле, никакого насоса не получишь, шорт возьми!

И мы отправились в аул, к этому шайтану.

В комнату, вытирая руки цветастым полотенцем, вошел старый Умурзак, хлопотавший вместе с Ризван во дворе.

— Ну как, отец? — спросил Бутавай.

— Нормально, нормально... хорошо откормлен, да будет он счастлив! — Умурзак-ата, поглаживая бородку, уселся на курпачу.

Бутавай, услышав слова Умурзака-ата, захохотал. Сафарали ничего не понимал.

— Слышишь, Сафарали, ата сейчас барашка «подготовил» к шашлыку и благословил: «Да будет он счастлив!» — Бутавай снова оглушительно захохотал.

Сафарали тоже засмеялся. «У старика, наверное, привычка к месту и не к месту, говорить «да будет он счастлив», — подумал он. Но почувствовав, что старый Умурзак обижен этим веселым смехом, Сафарали встал на его за циту:

— Отец правильно говорит. Все хорошее создается для человека. И если задуманное используется правильно и к месту, разве это не счастье? Не так ли?

— Вы совершенно правы, сын мой, будьте всегда счастливы! — улыбнулся старый Умурзак, оправившись после обидного для него разговора.

Бутавай не уставал наполнять пиалы кумысом.

— Ну, выпьем, пусть и кумыс будет счастливым! — лукаво подмигнул он.

Вошел юноша — высокий, тонкий, как стебелек, стесняясь, поздоровался.

— Наш сын! — сказал не без гордости Бутавай. — Назирджан...

— Да будет он счастлив!.. — проговорил старый Умурзак, будто благословляя мальчика.

— В каком классе учишься, сынок? — спросил Сафарали, пожав ему крепко, по-мужски руку.

— В девятый перешел, — ответил Назирджан ломающимся голосом.

«Почти совершеннолетний», — подумал Сафарали.

Бутавай сделал знак сыну, и они вышли во двор, а Сафарали погрузился в свои нелегкие думы. «Жизнь мчится, успевай — не зевай! Кажется, еще вчера мечтали в окопах, как после победы возвратятся они домой, обзаведутся семьями, детей станут растить. А у Бутавай уже сын в девятый класс перешел. Подумать только — в девятый. В девятый... Собственно, почему в девятый? Сафарали прикинул: если в школу мальчишка пошел с семи или восьми лет... ему где-то — пятнадцать, шестнадцать... В каком же году он родился? Пстой-пстой, но ведь еще в сорок третьем Бутавай уверял, что не женат?!»

Сафарали был занят своими размышлениями, а старый Умурзак пытался втолковать ему свое.

— Пусть всегда сопутствует ему удача. Из Бутавай получился настоящий человек. Он из тех, кто не строит свое благополучие за чужой счет. Для него — справедливость превыше всего! И он умеет ее отстаивать и защищать. Да, да!..

«Моя Олеся, наверное, учится в седьмом классе», — подумал Сафарали, не слыша старика.

— За три года пустынную землю на берегу дарьи, которую все считали непригодной для обработки, превратил в райский уголок! — продолжал Умурзак. — Заря не болтает, человек слова. Мало говорит — много делает.

«Сейчас Олеся ждет моего ответа. А о чем думает Галя?» — размышлял Сафарали.

— Ничего в жизни не делается само по себе, — горячо доказывал старый Умурзак. — Долго тягался с председателем. А председатель в то время был — ого! Не каждый мог не то что поговорить, а близко к нему подойти. Ни дать ни взять — властелин, настоящий хан! Кого вознесет, кого помирует... Какие там законы! Вернулись с фронта Бута и еще несколько его сверстников — с грудом, но обуздали хана... Да будут они счастливы!

Сафарали очнулся от своих дум, услышав обрывок последней фразы.

В этот момент Бутавай привел с собой парня-богатыря.

Они присели на курпачу.

— О чем рассказ, аксакал? — понтересовался Бутавай.

— Да все о том же... о садовых делах, — уже без энтузиазма ответил старый Умурзак.

6

Стояла ранняя весна пятьдесят четвертого года. Кишлак возник перед самой войной, поэтому здесь еще не успели заложить сады и виноградники. Фрукты сюда привозили издалека, из города. Как говорил Бутавай, «хлопотное дело с садами» затеял в тот год сам Умурзак-ата, а уж Бутавай и все фронтовики постарались разжечь костер из тлеющего уголька. Бутавай работал тогда на ферме крупного рогатого скота. Однажды, когда зашел разговор о дороговизне фруктов, привозимых из города, Умурзак крепко зацепил Бутаваю. «Ваш сосед привез своим детям яблоки, виноград, груши, а сын твой глотал слюнки, сам видел... его не угостили, мальчишка аж расплакался. Почему бы нам у себя в кишлаке сады не разбить?! Почему бы тебе не взяться за это дело — молодому, энергичному?! Люди, особенно дети, спасибо великое скажут».

Это послужило поводом для того, чтобы «пламя» охватило весь кишлак. Всю ночь бурно заседало правление. Колхозники, окружив контору, ожидали решения. Председатель упорствовал до самой утренней зорьки. Он говорил: государство установило нам план на хлопок, а не на фрукты. Вот и давайте заниматься хлопком.

Эти его слова вызвали взрыв возмущения. Кто-то сказал, что надо вопрос вынести на общее собрание колхозников. Тут же поставили на голосование. Приняли предложение единогласно. Все произошло так быстро, что председатель не успел и рта раскрыть.

На следующий день, на общем собрании колхозников, Бутавай обосновал свои мысли о необходимости закладки садов и виноградников. Председатель побоялся теперь возражать напрямую. Но он пытался доказать, что все хорошие земли под хлопком и никто не разрешит хотя бы часть из них использовать на другие цели.

— Земли нет, воды — лишней капли нет. Хлопок — вот главное в нашей жизни... И вы поймите меня, то-

варищи колхозники. Я — солдат партии, что поручит мне партия, то я и буду выполнять! — горячо заключил он свою речь и ударил себя кулаком в грудь.

— Чего ты все кричишь — план, хлопок! — рывком поднялся Бутавай. — Кто сеет хлопок? Вот они — колхозники! Кто его выращивает под палящими лучами солнца? Опять же они — простые труженики. Кто его собирает руками в дождь, снег, а иногда в мороз? Они! А не ты!.. Партия, говоришь, велит тебе! Ты партию не трогай — голос Бутава гремел под одобрительный гул колхозников. — Партия никогда не будет возражать против зажиточной жизни людей! И ты партию не приплетай. Мы, коммунисты, шли на смерть, чтобы наши люди никогда не стали рабами, никогда не испытывали голода и холода, жили в достатке и благополучии...

Бутаваю стало душно — дала о себе знать контузия. Он рванул ворот гимнастерки так, что пуговицы посыпались на пол. Тяжело дыша, в наступившей тишине, он прошел к открытому окну и сел на подоконник, устремив задумчивый взгляд куда-то вдаль.

Председатель, бледный, опустив глаза, молчал.

В большом школьном зале, где проходило общее собрание, стояла тишина.

Вдруг из передних рядов поднялся парень богатырского сложения — под стать Бутаваю. Он подошел к столу президиума и попросил слова. К трибуне не прошел, а начал говорить прямо здесь же, перед столом президиума, повернувшись к нему спиной. Это был Рустам, колхозный табельщик.

— Председателю стоит внимательно вдуматься в эту мысль, — он указал на лозунг, висевший на портале сцены.

Все дружно подняли головы, и многие вслух прочли: «Народ и партия едины!»

— Что означают эти слова? — продолжал Рустам. — Они означают, что народ и партия мыслят всегда и во всем одинаково. А вы отрываете партию от народа. Думы партии — думы народа, желание народа — желание партии, об этих священных истинах нам не следует никогда забывать...

Председатель понимал, что обстановка накалена до предела. Он чувствовал, что подорвал свой авторитет основательно.

— Все же, прежде чем принять решение, не поме-

шает лишний раз посоветоваться с авторитетными людьми в районе, — начал было он примирительно.

Но его оборвал чей-то насмешливый голос из зала:

— А надо ли по этому поводу советоваться? Земля наша, вода наша...

Снова заговорил Рустам:

— Мы делаем что-то неправильно? Какое разрешение мы должны просить в районе? При таком положении мы скоро начнем просить у районного начальства разрешение на изготовление рукоятки для кетменя. Посмотрите на садоводство и виноградарство с точки зрения экономики, рентабельности...

Председатель вскочил как ужаленный.

— Петуху, поющему не вовремя, отрубают голову! — закричал он злобно. — Свои познания в экономике покажи в другом месте. Тоже мне... экономист!

Прошло три года. Оказывается, петух прокричал вовремя. Рустама колхозники избрали секретарем партийной организации. Да и сады зеленеют, обильно плодоносят. Ребятчи лица просветлели, нет в их глазах жадного блеска при виде фруктов. Правда, с того памятного собрания Рустама прозвали «Экономистом». В колхозе до того привыкли к этому прозвищу, что стали забывать его настоящее имя. И он смирился с этим. Если в кишлаке какое-то дело долго не решалось и говорили — «Рустам велел разобраться», было маловероятным, что оно сдвинется с места. Но стоило сказать: «Экономист взял это на заметку», — и мгновенно все колесики начинали крутиться-вертеться, а к вечеру докладывали о сделанном...

Бутавай рассказывал «садовую историю», а Назирджан в это время неслышно накрыл дастархан, принося на подносе то крупные спелые помидоры, то огурцы, то разрезанную на ломтики первую дыню этого года. Ризван подала в фарфоровых кашах дымящуюся шурпу с тонким запахом горного тмина. Сафарали слушал Бутаваю, а сам думал о том, как похоже все это на историю с грубым райсом, которую услышал от Расула.

— Шурпа-то остывает... — спохватился хозяин.

Все принялись за угощение. Сафарали все еще был во власти услышанного.

— А председатель сейчас у вас все тот же? — спросил он.

— Нет, другой... Старый не захотел оставаться. Он многое понял, пересмотрел, передумал. Да и районное

начальство не могло простить ему самоуправства... ведь он без согласия отвел часть хорошей земли под сады и виноградники. Что было? Хочешь знать? На бюро райкома партии ему вклеили выговор с занесением в учетную карточку. Нет, нет, валовой сбор хлопка не снижался, подняли урожайность. Однако председатель не выдержал. Написал заявление. Мы не хотели освобождать, узнали ближе — оказался крепким мужиком. Но другого выхода не было, мы поняли: не оставят его в покое, слишком самостоятельным стал. Проводили мы его с почетом, — вздохнул с сожалением Бутавай. — Избрали вместо него местного, молодого агронома. Друга Экономиста, — кивнул он на Рустама. — Второй секретарь райкома не хотел, но мы уперлись и настояли на своем.

— Не всегда понимали мы старого председателя, вешали всех собак на него, — вступил в разговор Рустам. — Вот, к примеру, среди секретарей нашего райкома есть ли такие, кто хоть немного поработал председателем колхоза или директором совхоза? А ведь они судят о наших делах и принимают самые серьезные решения... Кто такой председатель? Председатель — это и агроном, и ирригатор, и строитель, и, наконец, — отец родной людям, живущим на этой земле! Пока я сам не столкнулся с теми проблемами, с которыми старый председатель жил не один год, не понял его... Вы вот объясните мне, почему председатель колхоза редко выходит в первые секретари райкома, а те — в секретари обкома и так далее? Ведь человек, который пройдет такой путь, будет иметь точное представление о тружениках села, их проблемах, заботах. Но самое главное — будет знать землю.

— Ну ты загнул! Где возьмешь таких идеальных руководителей? — захохотал Бутавай.

Рустам смутился, бросил недовольный взгляд на Бутаваю.

— Он правильно говорит! Молодой, но многое понимает, — поддержал Рустама старый Умурзак. — Полгода назад сменился очередной секретарь райкома партии нашего района. За семь лет это — четвертый. А что изменилось? Ровным счетом ничего. Как был хлопок нерентабельным, так и остался. Как не было у людей доходов, так и нет. Живут за счет приусадебных участков... Что у нас в последние годы происходит? Объясните, может, я чего-то не понимаю! Приходит новый

секретарь райкома — и сразу же сажает на руководящие должности своих родственников, друзей, земляков; другой его сменяет — обновляет и должности... Не смотрят — честный ли, деловой ли. Прикрывают свои действия лозунгом — освежить кадры. Встретил я недавно Юлдаша, ну, знаете, того, что был председателем соседнего колхоза «Большевик». Освободили его от должности. Спрашиваю: за что же? За то, отвечает, что назначил меня в свое время уволенный ныне секретарь. Юлдаш, говорю, но ведь ты честно работал. Колхоз твой был хоть и небогатым, но крепким. Так, оказывается, и это ему в вину поставили — середнячок, а надо быть передовым. Теперь председателем «Большевика» назначили племянника жены первого секретаря райкома...

— А что же народ? — не веря словам Умурзак, спросил Бутавай.

— Народ и не спрашивали... — У них коммунистов-то на весь колхоз всего пять человек, двое из них инвалиды войны, из дома не выходят... Нам повезло, половина наших парней возвратились живыми, — сказал дрогнувшим голосом Умурзак. — Они не допустили нарушений...

— Ничего, отец! Мы еще так заживем! Построим дома из жженого кирпича, будет радио, собственная больница, аптека. Улицы, как в городе, заасфальтируем! — уверенно сказал Бутавай.

Рустам, кивнув на Сафарали, сидящего с отрешенным видом, — покрутил указательным пальцем у виска, будто говоря Бутаваю — у тебя все дома? Не видишь, заговорили человека!

Сафарали давно ничего не слышал, все его думы были там, в Фергане. Он уже давно мысленно беседовал с Расулом. Ингитали... Из всего, что слышал здесь, он вынес одно — Расул одинок! Нет у него опоры! Если бы вокруг него были такие люди, как Бутавай, Рустам, старый Умурзак, давно одолели бы они Назара.

— Ох, как Расул одинок! — воскликнул Сафарали, когда почувствовал, что все взгляды обращены на него.

— Как, ты и с Расулом виделся? — радостно воскликнул Бутавай.

— Живет, дышит ферганским воздухом... чаман ичра. И Сафарали словно прорвало, торопясь, спеша, будто опасаясь, что перебыют, не поймут, он выложил все,

что слышал и видел в Фергане, у Расула. Ничего не утаил...

Рустам, молча слушавший гостя, подумал: «Нам сравнительно легко удалось разрешить свои проблемы, не то что ферганским друзьям Бутавае».

Сын Бутавае пригласил всех во двор. Гости, уже несколько притомившиеся сидеть за дастарханом, охотно приняли приглашение.

Вокруг широкого сури благоухали только что политые цветы. В воздухе перемешались запахи райхана, чебреца, аромата, исходящего от зажаренного молодого барашка. Вдыхая чистый, свежий воздух, они наслаждались благодатной тишиной вечерних сумерек.

— Теперь, с вашего позволения, я пойду домой, — сказал старый Умурзак, — пора мне отправляться на бахчу. А знаете что? — оживился Умурзак-ата. — Приходите ко мне на бахчу с ночевкой. Шалаш стоит высоко, на берегу дарьи... Какая красота кругом! Дух захватывает! Особенно на утренней зорьке...

— Пойдем? — повернулся Бутавай к Сафарали и, не дожидаясь согласия друга, сказал: — Придем, ата, попозже придем.

Старик ушел довольный, что его уважили.

7

Сафарали с Бутаваем лежали на спине возле шалаша, смотрели на россыпь звезд в высоком небе и вполголоса разговаривали. Внизу шумела река, легкий ветерок приносил из тугаев сладковатый запах цветущей джиды, в зарослях камыша слышались крики фазанов и авдотки, а совсем близко, на бахче, перепела, соблюдая очередность, советовали — «спать пора!» Но они ничего этого не замечали.

— Так вот как обстоят дела!

— Да... так.

— А Мухаббат известно обо всем этом?

— Не знает... ничего не знает, — почти простонал Сафарали. — Хочу посоветоваться с тобой...

Бутавай долго молчал.

— Проклятая война! — со злостью сказал он наконец. — Сколько погубила жизней! Разлучила отца с

сыном, дитя с матерью, а сколько несчастных скитаются по белому свету...

Сафарали, прикусив губы, слушал.

— Не помню, говорил ли тебе, — продолжал Бутавай, — полюбил я Ризван еще до войны. Ну, и она была ко мне равнодушна. Помнишь, под Винницей попали под бомбежку? Меня тяжело ранило, ну и поспешили тогда, похоронку послали домой. Получив «черное письмо», родители отдали ее замуж в соседний кишлак, за Азимджана... Я не был знаком с ним. Спустя полгода все узнали, что я жив. Я сам из госпиталей написал письмо. Потом взяли на фронт Азимджана... Он погиб, Ризван осталась беременной... родила Назирджана. В сорок пятом, демобилизовавшись, я женился на ней. И, как видишь, друг, неплохо живем. У нас еще двое сыновей, одна дочь... Тоже непростая история, много пережили и я, и Ризван. Еще труднее тебе, ведь распутать клубок спустя пятнадцать лет не так-то просто! Но в этом нет твоей вины, друг, война виновата! Да, да — война!

— Что же мне теперь делать? — спросил Сафарали, приподняв голову. — Что посоветуешь?

— Ну, прежде всего, — сказал Бутавай, не отрывая взгляда от Полярной звезды, — зря ты сразу не показал письмо Мухаббат. Думаю, она сумела бы все понять, сам же говоришь, натерпелась она сиротой, а такие люди быстро взрослеют, становятся мудрыми не по летам... Кроме того, ждете ребенка. Галя-ханум даст согласие, Олеся приедет... Скажу тебе, у малыша будет старшая сестра, а у Мухаббат — верная подруга, товарищ. Говоришь, дочь с трудом нашла тебя. Значит, она тебя любит! Потому и разыскала. Во всяком случае, она — твое дитя! Родное...

— Верно говоришь, — сказал Сафарали, воспрянув духом. — Мне и самому приходила в голову мысль — поехать за ней...

— Надо тебе посоветоваться. Первым делом с Мухаббат... С Галей, с отчимом Олеси — тоже.

— О, если бы приехала! — воскликнул Сафарали. Бутавай похлопал друга по плечу.

— Все будет хорошо. Только предупреждаю, — пошутил он, — Олесю отдашь нам, у тебя такая красавица дочь, а я что, на стороне буду искать невесту? — И уже серьезно заключил: — Верю, все будет хорошо. А теперь — спи.

Но не так-то просто было уснуть. Сафарали был весь во власти светлых мечтаний. Дочь его — совсем взрослая, еще два-три года — невеста. А и правда, чем Назирджан не жених, он, Сафарали, будет счастлив породниться с таким человеком, как Бутавай, — за честь почтет. Уже в полудреме увидел он себя молодым, в степях Украины, в садах Винницы...

Сафарали проснулся, когда лучи солнца заиграли на серебристой листве пирамидальных тополей. Уже работал дизельный насос, подавая воду из реки в неширокий канал. Бутавай, вытирая паклей замасленные руки, прислушивался к работе движка и смотрел на край поля, где старый Умурзак кетменем направлял воду в сухие борозды. От буйной зелени рябило в глазах: упругие изумрудные плети с широкими листьями, на которых алмазными россыпями сверкали капли утренней росы, казалось, заплели все вокруг. Такое впечатление, что на землю бросили зеленый бархатный ковер...

Хотя бахча находилась далеко от кишлака, здесь было довольно шумно от гула насоса, гомона множества разных птиц.

Увидев, что друг уже на ногах, Бутавай подошел, улыбаясь, спросил:

— Ну как, Сафарали, хорошо спалось на вольном воздухе?

— Что ж ты не разбудил меня... на зорьке, — проворчал Сафарали. Он был бледен, осунулся.

«Кумыс подействовал», — подумал про себя Бутавай, а вслух сказал, все так же улыбаясь:

— Пойдем-ка к реке. Я там сеть поставил. Может, повезет, на твое счастье рыбку выловим! Там и умоешься...

Сафарали пошел следом за Бутаваем, рассматривая по пути главный арык, снабжавший всю бахчу водой, ярко-красный новенький насос марки «Андижанец», гнавший по шлангу большого диаметра воду снизу, с реки. Отойдя по берегу на приличное расстояние от того места, где был насос, они остановились у плотных зарослей камыша.

— Раздевайся, здесь нас никто не увидит, — сказал Бутавай.

Сафарали сначала ополоснул лицо студеной речной водой, потом разделся.

Осторожно ступая, они вошли по пояс в воду, весело вскрикивая от обжигающих холодом игл.

Когда они начали выбирать сеть, послышался треск мотоцикла.

— Дада, — закричал, подкатив, Назирджан, — я нищу вас.

— Э, да это же наш жених! — расплылся в улыбке Бутавай. — Что его принесло? Он должен быть в школе.

— Дядя Сафарали! — размахивал Назирджан листком бумаги. — Телеграмма!..

— Телеграмма?! — удивился Сафарали и направился к берегу.

Торопливо взяв телеграмму из рук Назирджана, он одним взглядом охватил ее содержание: «Ребенок родился мертвым. Мухаббат уже поправляется. Не беспокойтесь. Хабиба».

Сафарали как стоял одной ногой в воде, а другой — на берегу, так и застыл на месте. Затем, что-то вспомнив, взял пиджак, лежавший на траве, порылся во внутреннем кармане и вытащил конверт. Взглянул на него и все понял. «Эх, дурная голова! Как же ты мог перепутать письмо Олеси с письмом Буты?!» И вот... Мухаббат прочла то письмо... У него задрожали руки, по телу пробежал озноб. Он не поговорил с Мухаббат, не подготовил ее...

Видя состояние друга, Бутавай решил, что не имеет права отпускать его домой одного.

Когда они, уложив вещи и гостинцы в корзины и сумки, приехали на железнодорожную станцию, солнце уже стояло в зените, подобно чреву тандыра, превращающему саксаул в жаркие уголья, оно норовило расплавить весь мир.

Сафарали, осунувшийся и постаревший за каких-то несколько часов, стоял на краю перрона и смотрел невидящим взглядом вдаль, туда, куда уходили рельсы. Его мучила одна-единственная мысль, он задавал себе один-единственный вопрос — за что?!